

УДК 316

Голобородько Андрей Юрьевич

доктор политических наук, доцент,
директор Таганрогского института имени А.П.Чехова (филиала) Ростовского
государственного экономического университета

goloborodko2009@mail.ru

Латышева Анна Тимофеевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры педагогики и социокультурного
развития личности Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала)
Ростовского государственного экономического университета

serg1952@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук, профессор кафедры управления
персоналом и социологии Ростовского государственного
экономического университета

darya.maksimovich@gmail.com

Andrey Yu. Goloborodko

doctor of political sciences, associate professor, Director
of Chekhov Taganrog Institute (branch)
of Rostov State University of Economics (RINH)

goloborodko2009@mail.ru

Anna T. Latysheva

candidate of sociological sciences, the associate professor
of pedagogics and sociocultural development of the identity
of the Taganrog institute of A. P. Chekhov – branch of the Rostov
state economic university

serg1952@mail.ru

Sergei I. Samygin

doctor of sociological sciences, professor of department of personnel
management and sociology of the Rostov state economic university

darya.maksimovich@gmail.com

**Социокультурные особенности языка вражды и экстремизма в
средероссийской молодежи**

**Socio-cultural features of manifestations of hate speech and extremism in the
Russian youth environment**

Аннотация. Статья посвящена осмыслению языка вражды и экстремизма в среде российской молодежи. Авторы рассматривают несколько видов языка вражды, представляющих общественную опасность. На основании анализа факторов языка вражды и экстремизма, а также описания российской социокультурной специфики экстремистских

образований и языка вражды в молодежной среде, авторы приходят к выводу о том, что язык вражды и экстремизма разрушителен для общества в целом, так как он искажает реально существующие проблемы этнической и религиозной ксенофобии и порождает агрессию, рост экстремистских проявлений и национализма на почве ненависти в молодежной среде.

Ключевые слова: язык вражды, экстремизм, российская молодежь, российское общество, идентичность.

Abstract: *The article is devoted to understanding the language of hatred and extremism among the Russian youth. The authors examine several types of hate speech, represent a public danger. Based on the analysis of hate speech and extremism factors, as well as descriptions of the Russian socio-cultural specificity of the extremist formations and hate speech among young people, the authors conclude that the language of hatred and extremism damaging to society as a whole, because it distorts the real problems of ethnic and religious xenophobia and generates aggression, growth of extremist manifestations of nationalism and hate among the youth.*

Keywords: *the language of hatred, extremism, the Russian youth, the Russian society, identity.*

Современный российский социум переживает трансформацию системы ценностей, обусловленную модернизацией общественной жизнедеятельности. Глобализационные процессы в социально-экономической, политической и социокультурной сферах, втягивающие различные слои населения разных стран в миграционные потоки разного характера и уровня, приводят к усложнению структурных связей конкретных обществ и мирового сообщества в целом. Обозначенные факторы стимулируют экстремистские проявления, коммуникацию, основанную на ненависти, предубеждениях и дискриминации (т.н. язык вражды), социальную напряженность в межнациональных отношениях, сопровождающуюся межэтническими конфликтами.

В таких условиях российская молодежь оказалась наиболее незащищенной в социокультурном отношении категорией населения, которая пребывает в своеобразном ценностном духовно-нравственном вакууме. Приходится констатировать тот факт, что у современной российской молодежи, наряду с положительными характеристиками молодого поколения, стали проявляться тревожные симптомы социально-политической инфантильности, девиантного и делинквентного поведения, воинствующего национализма, диверсификации духовных и культурных ценностей, социального нездоровья [1], подверженности влиянию экстремизма, возникновению языка вражды, разрушающих традиционные ценности российской национальной культуры и культур других народов, утраты национальной культурной идентичности. При этом риторика ненависти и потеря культурной идентичности молодых поколений россиян «ведет к ослаблению позиций государства на международной арене или даже к его распаду» [2, с. 43].

Что же представляет собой дефиниция «язык вражды» в современной интерпретации? Языком вражды принято считать всякую форму выражения, которая может расцениваться как унижительная и оскорбительная для расовых, этнических и религиозных групп [3]. В отечественном дискурсе проблеме языка вражды посвящены труды А. Верховского, А. Гладилина, Д. Дубровского, А. Кочергина, А. Толкачевой, Э. Панарина и др.

Важнейшим фактором, по мнению современного исследователя проблемы сущности «языка вражды» А.В. Гладилина, является тот факт, что он основан на таких явлениях как социальные стереотипы, предубеждения и дискриминация, и представляется частью более широкого и сложного феномена [4], который в науках, изучающих коммуникацию, получил наименование социальная коммуникация [5], основополагающаяся на предубеждениях (негативной установке к определенной группе) и этнической и религиозной дискриминации (несправедливое отношение к людям по причине того, что они принадлежат к той или иной группе).

А.М. Верховским в монографии «Язык вражды против общества» представлен список видов языка вражды, включающий в себя 17 позиций, среди которых: а) призывы к насилию с указанием объекта насилия; б) призывы к дискриминации; в) завуалированные призывы к насилию и дискриминации; г) создание отрицательного образа той или иной религиозной или этнической группы; д) оправдание исторических случаев насилия и дискриминации в обществе; е) публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные социально-исторические факты насилия и дискриминации; ж) утверждения о неполноценности той или иной религиозной или этнической группы; з) утверждения о наличии общественно-исторических преступлений той или иной религиозной или этнической группы; и) утверждения о криминальности той или иной религиозной или этнической группы; к) утверждения о морально-нравственной неполноценности той или иной религиозной или этнической группы; л) рассуждения и непропорциональном превосходстве той или иной религиозной или этнической группы в различных сферах жизни; м) прямые обвинения в отрицательном влиянии той или иной религиозной или этнической группы на региональный социум или государство и общество в целом; н) упоминание этнической или религиозной группы и ее представителей в унижающем или оскорбляющем человеческое достоинство контексте; о) призывы и лозунги о недопущении закрепления в той или ином региональном сообществе мигрантов, имеющих принадлежность той или иной религиозной или этнической группы; п) обвинение группы в попытках захвата власти или террористической экспансии; р) цитирование и ведение явно ксенофобной риторики без комментариев, определяющих разделение позиций респондента и интервьюера; с) отрицание гражданства, т.е. упоминание российских граждан как иностранцев в зависимости от их этнической идентификации [6].

Из приведенного выше списка видов языка вражды, на взгляд авторов данной статьи, больше всего угрожают общественной безопасности, т.е.

несут в себе общественную опасность, в особенности, по отношению к молодежному сообществу, следующие виды языка вражды: явные и завуалированные призывы к насилию и дискриминации; призывы не допустить закрепления в региональном сообществе мигрантов; а также утверждения о криминальности, преступности той или иной религиозной или этнической группы, оправдание случаев насилия, вражды, ненависти и дискриминации, и обвинение в попытках захвата власти или территориальной экспансии.

Целесообразно отметить, что в современной публицистике и научной литературе распространены попытки увязать рост языка вражды и экстремизма в молодежной среде с факторами бедности, социальным неблагополучием, низким культурным уровнем определенных социальных групп молодежи. Однако влияние социальных факторов намного сложнее. Так, анализ новейших работ отечественных и зарубежных исследователей демонстрирует, что фундаментальными факторами языка вражды и экстремизма являются незавершенная модернизация, социальная неопределенность, общественные контрасты и социокультурная маргинальность, повседневные социальные практики как способ идентификации молодежи и др. Причем все эти факторы находятся в диалектической взаимосвязи с внешне- и внутривнутриполитическими этническими и этноконфессиональными, социально-психологическими обстоятельствами жизнедеятельности российской молодежи [7].

На уровне общества, этнических и религиозных общностей проявления языка вражды и экстремизма усиливаются в процессе модернизации, особенно в периоды незавершенных исторических перемен. В таких условиях неизбежен установленный еще в трудах К. Мангейма и Э. Эриксона «кризис идентичности», связанный с трудностями социального и культурного самоопределения молодежи. Стремление к преодолению этого кризиса порождает ряд следствий, которые могут выступать предпосылками экстремизма и информационной вражды [8].

В целом, российскую специфику социокультурных экстремистских образований и языка вражды в молодежной среде определяют, на наш взгляд, три главных фактора. К первому фактору относятся социальная и экономическая неустойчивость российского социума на протяжении последних 20-25 лет, а также социальная незащищенность большей части молодежного сообщества [9]. Материальное благополучие молодых людей ухудшается в результате коммерциализации услуг ЖКХ и социальной инфраструктуры, удорожания транспортных и информационных расходов, что сильно расширяет зону молодежной бедности и вызывает рост социальной напряженности, экстремистских тенденций и порождает язык вражды в среде российской молодежи в частности, и общества, в целом. Усиливается поляризация социальных групп молодежи мегаполисов и поселений провинции – выходцев из богатых и бедных семей. Среди безработных, по данным социологов, молодежь в возрасте до 29 лет составляет свыше 30% [10].

Ко второму фактору относятся особенности социальной молодежной мобильности в обществе. Каналы восходящей социальной мобильности в 1990-е годы претерпели серьезные изменения, и часть молодежи в короткие сроки достигает престижного социального положения и высокого уровня потребления. Возможность быстрого достижения успеха и богатства появляется у тех, кто участвует в распределении собственности и власти. Молодежь элитных слоев населения получает качественное образование и высокую профессиональную подготовку, перспективную с точки зрения жизненного успеха. В многочисленных исследованиях констатируется, что образовательная дифференциация молодежи усилилась, доступность качественного образования снижается, остаются профессионально невостребованными порядка трети выпускников вузов. Г.М. Мкртчян замечает, что в социуме в условиях распада традиционных форм вертикальной мобильности сфера образования усиливает социокультурную поляризацию и дифференцирует доступ к интеллектуальным ресурсам молодежи из различной социально-профессиональной среды, что в свою очередь, также вызывает массу протестных, экстремистских и враждебных настроений молодежи из депривированных слоев населения[11].

И, наконец, третьим фактором, характеризующим российские социокультурные особенности экстремистских образований и языка вражды в молодежной среде, является аномия, проявляющаяся в утрате тех нормативно-ценностных оснований, которые так необходимы для поддержания социальной солидарности, обеспечения социальной идентичности и национальной безопасности России[12]. На фоне социальной аномии широкое распространение приобретает не только язык вражды, проявление экстремизма, но и молодежная преступность как проявление криминального экстремизма. Участие в преступных группировках становится для молодежи социально престижным и прибыльным делом, на нынешнем этапе развития криминализированными являются многие молодежные сообщества, а принятые социокультурные ориентиры приобретают ценностную значимость. В числе подобных ориентиров немалое значение имеют культ силы, насилия, ненависти, правовой нигилизм, интолерантность по отношению к «чужим» и др.

Таким образом, подводя итоги данной статьи, можно уверенно говорить о том, что язык вражды и экстремизма разрушителен для общества в целом, поскольку он искажает реально существующие проблемы этнической и религиозной ксенофобии и порождает, прямо или косвенно, агрессию, рост экстремистских проявлений и национализма на почве ненависти в молодежной среде, угрожая тем самым национальной безопасности общества и государства[13].

В связи с вышесказанным, особую важность приобретает деятельность по своевременной превенции и минимизации возникновения экстремистских образований и языка вражды в молодежной среде, что представляет собой исключительно сложную задачу, поскольку явления экстремизма и языка вражды порождаются многими социальными, историческими,

экономическими, политическими, социально-психологическими и иными детерминантами. Следовательно, такого рода детерминанты должны быть объектами профилактического вмешательства со стороны органов государственной и правоохранительной власти, а также социальной молодежной политики.

Литература:

1. *Shakhbanova M.M., Gafiatulina N.Kh., Vereshchagina A.V., Samygin S.I., Imgrunt S.I. Social and economic consequences of regional ethnic migration for national security and social health of the Russian youth // Social Science (Pakistan). 2016. T.11. № 16. С. 3886-3893.*
2. *Голобородько А.Ю., Сериков А.В. Дискурс «мягкой силы» в контексте конструирования имиджа современной России: факторы и технологии формирования конкурентной идентичности // Гуманитарий Юга России. 2015. №4. С. 41-50.*
3. *Hate Speech Law and Legal Definition [Электронный ресурс]. URL: <http://definitions.uslegal.com/h/hate-speech/>*
4. *Гладилина А.В. «Язык вражды» в традиционных и новых медиа // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №21 (312). С. 144-153.*
5. *Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Социальная коммуникация в профилактике конфликтов: учебно-методическое пособие. М.: РУСАЙНС, 2016. 164 с.*
6. *Верховский А.М. Язык вражды против общества: научное издание. М., 2007. 259 с.*
7. *Гафиатулина Н.Х., Верещагина А.В., Шахбанова М.М. Повседневные социальные практики как способ идентификации российской студенческой молодежи // The Caucasus and the World. 2015. №2 (42). С.158-164.*
8. *Самыгин С.И., Кузнецова А.В., Латышева А.Т. Информационные войны: ресурсы, методы воздействия и ключевые риски // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. №8-9.*
9. *Верещагина А.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. Социальное здоровье российской молодежи как фактор обеспечения общественной безопасности // В сборнике: 21 век: фундаментальная наука и технологии. Материалы VIII международной научно-практической конференции. Н.-и. ц. «Академический». NorthCharleston, SC, USA, 2016. С.80-85.*
10. *Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Процессы перемен в сознании российской учащейся молодежи // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2003. №4. С. 723.*
11. *Мкртчян Г.М. Стратификация молодежи в сфере образования, занятости и потребления // Социологические исследования. 2005. №7. С. 25-34.*
12. *Голобородько А.Ю., Лубский А.В., Сериков А.В. Культурная идентичность и национальная безопасность России. Ростов н/Д., 2014. ., 304 с.*

13. Верещагина А.В., Самыгин С.И., Гафиатулина Н.Х. и др. *Социология безопасности: Учебник*. М.: ИНФРА-М, 2017. 264 с.

Literature:

1. Vereschagina A.V., Gafiatullina N.K., Samygin S.I. *The Social health of Russian youth as a factor of public security // In the book: the 21st century: fundamental science and technology. Materials of the VIII international scientific-practical conference. N.-I. TS. «Academic». 2016. Pp. 80-85.*

2. Goloborodko A.Y., Serikov A.V. *The discourse of «soft power» in the context of constructing the image of modern Russia: the factors and technologies of formation of competitive identity // Humanists in southern Russia. 2015. №4. S. 41-50.*

3. *Hate Speech Law and Legal Definition [Электронныйресурс]. URL: <http://definitions.uslegal.com/h/hate-speech/>*

4. Gladilin A.V. «Hate speech» in traditional and new media // *Herald of Chelyabinsk State University. 2013. №21 (312). Pp 144-153.*

5. Gafiatulina N.K., Samygin S.I. *Social communication in the prevention of conflicts: a teaching aid. M.: RUSAYNS, 2016. 164 p.*

6. Verkhovskii A.M. *Hate speech against society: scientific publication. M., 2007. 259 p.*

7. Gafiatulina N.K., Vereshchagina A.V., Shakhbanova M.M. *Everyday social practices as a way to identify the Russian student's youth // The Caucasus and the World. 2015. №2 (42). Pp. 158-164.*

8. Samygin S.I., Kuznetsov A.V., Latysheva A.T. *Information War: resources, methods of influence and key risks // humanitarian, socio-economic, and social sciences. 2016. №8-9.*

9. Vereschagina A.V., Gafiatullina N.K., Samygin S.I. *The Social health of Russian youth as a factor of public security // In the book: the 21st century: fundamental science and technology. Materials of the VIII international scientific-practical conference. N.-I. TS. «Academic». 2016. Pp. 80-85.*

10. Dobrynina V.I., Kukhtevich T.N. *The processes of change in the minds of Russian students // Vestnik MGU. Ser. 18. Sociology and political science. 2003. №4. P. 723.*

11. Mkrtchian G.M. *Stratification of young people in education, employment and consumption // Sociological studies. 2005. №7. Pp. 25-34.*

12. Goloborodko A.Y., Lubskiy A.V., Serikov A.V. *Cultural identity and national security of Russia. Rostov n / D. 2014. 304 p.*

13. Vereshchagina A.V., Samygin S.I. Gafiatulina N.K. and other. *Security Sociology: Textbook. M.: INFRA-M, 2017. 264 p.*